

маховъ. „Дивчину“ замѣнили старухой и подписали: Домна; „Пана“ замѣнили мужичкомъ съ топоромъ за поясомъ и подписали: Потапъ-плотникъ. Но какъ попасть въ мысль и намѣренія „критики“? Пожалуй, будутъ сравнивать второе изданіе съ первымъ и скажутъ: а! догадались! думаете, что надѣли маску, такъ васъ подъ ней и не узнаютъ!

— Дѣло въ томъ,—объяснилъ ей Семигоровъ:—что общество ваше хотя и дозволенное, и цѣли его вполнѣ одобрительны, но пальца ему въ ротъ все-таки не клади.

— Но почему же?

— А потому, что потому. Существуютъ такіе тонкіе признаки. Составъ общества, его черезъ-чуръ кипучая дѣятельность—все это прямо бросается въ глаза. Ну, съ чего вы, напримѣръ, Ольга Васильевна Ладогина, вполнѣ обезпеченная дѣвица, такъ кипятитесь по поводу какой-то жалкой азбуки?

— Какъ, съ чего?—во-первыхъ, я русская и вижу въ распространеніи грамотности одно изъ условій благосостоянія родной страны; а во-вторыхъ, это дѣло доставляетъ мнѣ удовольствіе; я взялась за него, мнѣ его довѣрили, и я не могу не хлопотать о немъ.

— Э, барышня! и безъ насъ съ вами все устроится!

— Такъ вы бы такъ прямо и говорили. А то приходите, увѣряете въ своемъ сочувствіи...

— Я-то сочувствую, да вотъ... Нельзя „прать противъ рожна“, Ольга Васильевна!

Но она продолжала „прать“, быть можетъ, потому, что не понимала, въ чемъ собственно заключается рожденъ, а Семигоровъ не могъ или не хотѣлъ объяснить ей сокровенный смыслъ этого выраженія.

Прошелъ еще годъ. Надежда Ѳедоровна хлопотала объ открытіи „общества для вспоможенія чающимъ движенія воды“. Старанія ея увѣнчались успѣхомъ, но—увы! она изнемогла подъ бременемъ ходатайствъ и суеты. Пришла старость, нуженъ былъ покой, а она не хотѣла и слышать о немъ. Въ самомъ разгарѣ дѣятельности, когда въ головѣ ея созрѣвали все новые и новые планы (Семигоровъ, потихоньку, называлъ ихъ „подвѣхами“), она умерла, завѣщавши на смертномъ одрѣ племянницѣ свое „дѣло“.

Ольга Васильевна осталась совсѣмъ одинокою.